

УДК 316.42

«ВКЛЮЧЕНИЕ/ИСКЛЮЧЕНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ОСНОВНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Десенко Дарья Сергеевна – магистрант социологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина

В статье рассматриваются основные подходы к анализу включения/исключения в современном мире, акцентируется внимание на усложнении этого феномена, что делает невозможным его контроль прямыми вертикальными механизмами власти. С усложнением общественных процессов происходит дифференциация оснований включения / исключения, что переводит это явление в плоскость повседневных коммуникаций, так как социальные связи и социальные отношения становятся более значимыми, чем социальные места. Реализуемый на дискурсивном повседневном уровне код включения/исключения приводит к восприятию социального пространства в архаичных бинарных категориях, в результате чего социальная реальность редуцируется до состояния перманентной войны между «своими» и «чужими». Этот переход в эру культурных различий, скорее, свидетельствует о тенденции роста, чем затухания особенностей, на основании которых происходит социальное включение (инклюзия) и исключение (экслюзия).

Ключевые слова: включение, исключение, интеграция, различие, неравенство, дискриминация.

У статті розглядаються основні підходи до аналізу включення/виключення в сучасному світі, акцентується увага на ускладненні цього феномену, що унеможливорює його контроль прямими вертикальними механізмами влади. З ускладненням суспільних процесів відбувається диференціація підстав включення / виключення, що переводить це явище в площину повсякденних комунікацій, так як соціальні зв'язки і соціальні відносини стають більш значимими, ніж соціальні місця. Реалізований на дискурсивній повсякденному рівні код включення/виключення призводить до сприйняття соціального простору в архаїчних бінарних категоріях в результаті яких соціальна реальність редукується до стану перманентної війни між «своїми» і «чужими». Цей перехід в еру культурних відмінностей скоріше свідчить про тенденцію зростання, ніж загасання особливостей, на підставі яких відбувається включення (інклюзія) і виключення (екслюзія).

Ключові слова: включення, виключення, інтеграція, відмінність, нерівність, дискримінація.

The article deals with the main approaches to the inclusion/exclusion in the modern world, and focuses on the increasing complexity of this phenomenon and therefore its inability to be controlled by direct and vertical mechanisms of power. With the increasing complexity of social processes is differentiated inclusion / exclusion has been transferred this phenomenon in the in the plane of everyday communication, as social ties and social relations are more important than the social space. Implemented in the everyday discursive level code of inclusion/exclusion leads to a differentiation of social space onto the archaic binary categories as a result of which the social reality is reduced to a state of permanent war between «us» and «their». A shift into the era of cultural differences rather indicates growth trend rather than damping of characteristics on the basis of which inclusion/exclusion takes place.

Keywords: inclusion, exclusion, integration, difference, inequality, discrimination.

В ходе развития идеи универсальных прав и потребностей индивида в современном обществе актуализировалась необходимость преодоления новых форм неравенства и включения ранее дискриминированных индивидов и групп в общество. Многие различия (даже те, которые ранее рассматривались как ущербность) настойчиво заявили о том, что их необходимо полноценно воспринимать и принимать в жизнь общества. Парадокс заключается в том, что, с одной стороны, идет требование включения и реализации неотъемлемых прав и свобод человека, а с другой, – при этом обнаруживаются различия, которые их отделяют (а иногда и противопоставляют) от большинства. Стремление подчеркнуть свою самобытность и уникальную идентичность идет вразрез с лозунгами «Мы такие же, как все!».

Выбор и конструирование коллективных идентичностей направлены на включение индивида в жизнь общества благодаря коллективным ресурсам, которые данная общность позволяет получать. Единожды созданная (сконструированная) группа либо фокусируется на своих отличиях (и тем самым закрывается от внешнего мира), либо открывается для окружающего общества (приходя к согласию с общими ценностями) – и тем самым открывает свои границы для дезинтеграции. М. Вевьерка пишет, что, с одной стороны, культурное различие отстаивают акторы, подвергшиеся глубокой эксклюзии, жертвы социальной несправедливости, переживающие сильные формы неравенства; а с другой стороны – утверждение культурных различий может совпадать с интересами доминирующих групп и проявляться в желании отграничиться от «других» [1]. Поэтому во многих странах мы можем наблюдать своеобразный расцвет «культурных», «дифференцирующих», «символических» расизмов, которые стремятся загнать свои жертвы во все большую эксклюзию, экономическое неравенство и социальную несправедливость, оправдывая и легитимируя требования изгнания «естественными» или ранее не признаваемыми отличиями. Попытки на государственном уровне свести все к общему знаменателю, ответить на современные культурные вызовы и включить в общество разнородные идентичности сталкиваются с проблемой неэффективности структурных прямых инклюзий, что, в свою очередь, может быть связано как с дисперсностью оснований для дифференциаций по горизонтали, так и с ненадежностью и тенденцией к распаду этих новых (оживших) культурных различий. В глобализирующемся мире социальные связи и социальные отношения становятся более значимыми, чем социальные места. «Процессы исключения все больше носят характер смены одного стиля жизни другим: исключаясь из одних отношений или деятельности, индивиды включаются в другие, уже необязательно стигматизирующие или негативно влияющие на предшествующее социальное положение» [2, с. 105].

Включение/исключение, тем не менее, инерционно продолжает рассматриваться в основном в разрезе государственной политики или деятельности социальных служб. Тогда как усложнение современных социальных процессов актуализирует вопрос переосмысления концепта включения/исключения в связи с дифференциацией общественных отношений.

В силу вышеизложенного целью данной статьи является концептуализация феномена включения/исключения в контексте реалий глобализирующегося общества.

Феномен социального включения/исключения (инклюзии/эксклюзии) не концептуализирован и, соответственно, не имеет однозначного и четкого определения, и эта неоднозначность трактовки приводит к взаимному недопониманию участников обсуждения данного вопроса.

Во-первых, инклюзию нередко сводят к инклюзии уязвимых (дискриминированных) слоев населения – например, к образовательной инклюзии детей-инвалидов. Большинство общественных дискуссий по теме социальной инклюзии сосредоточено на проблемах людей с ограниченными возможностями, что создает представление о применимости инклюзии лишь в качестве подхода к обучению людей с ограниченными возможностями в рамках учреждений системы общего образования. Цель такого образования заключается в ликвидации социальной изоляции, которая является следствием негативного отношения к разнообразию с точки зрения расы, социального положения, этнического происхождения, религии, пола и способностей. Отправной точкой данного утверждения является убеждение, что образование является одним из основополагающих прав человека и основой для более справедливого общества. Формирование единого глобального пространства образования «приведет к появлению общих образовательных стандартов, единых учебных планов и программ, единой системы оценивания знаний и умений учащихся, более глубокому и тесному взаимодействию учебных заведений» [3, с. 59]. Тем не менее, подобная унификация и стандартизация образовательных программ, как минимум, не учитывает культурные особенности и традиции многообразного мира. Что это как ни гегемония, которая создает единый образец образовательных учебных планов и делает их обязательными для всего остального мирового сообщества, если они хотят быть включенными в это глобальное пространство образования? Страны, которые пытаются сами формировать свои образовательные программы без учета «глобальных инструкций», подвергаются осуждению и остракизму. Как например, Япония, которую обвинили в дегуманизации образования, когда она попыталась увеличить учебные часы естественнонаучных дисциплин [4].

В подобных публикациях включение рассматривается с точки зрения проблем бедности, неравенства, а сам процесс включения рассматривается только в рамках преодоления этого неравного доступа к ресурсам. Механизмы включения/исключения рассматриваются инструментально и направлены на непосредственную реализацию в рамках государственной политики. Среди мер социальной инклюзии в

этих социальных подсистемах выделяют политико-правовые (возможность реализации своих прав и интересов), социально-экономические (искоренение бедности, наличие достойно оплачиваемой работы, качественное жилье и коммунальные услуги), социокультурные (доступное и качественное образование, включенность в культурную жизнь сообщества) и др [5]. Но как отмечается исследователями инклюзии, инклюзия – «односторонний процесс, представляющий «внедрение» кого-то куда-то (очевидный насильственный оттенок), результатом которого является наличие в некоей среде инородного для нее «тела»... Поэтому инклюзия сомнительна, а в результате её «включаемый» не становится в этом процессе естественной частью общей дружественной среды» [6].

То есть сами исследователи и создатели программ социальной инклюзии видят ее односторонний подход и крайнюю неэффективность. Насильственное и одностороннее включение зачастую приводит к еще большей изоляции, еще большему исключению выделенной группы из общества. Примером подобной неэффективной инклюзии может служить «программа позитивных действий», получившая распространение в США, а в итоге только высветившая этнические проблемы [7]. Предполагается, что позитивная дискриминация применима в исключительных случаях, когда целесообразно поступиться принципом равенства ради восстановления исторической справедливости. Даже если отбросить тот факт, что такая категория, как «справедливость», являет собой претензию на универсалию, то мы уже говорим об исключении какой-то группы населения, об исключительном случае, который только будет подчеркивать их отличия и тем самым увеличивать, а не сокращать разрыв.

Ю. Хабермас, рассуждая о вовлечении другого, пишет: «Взаимное и равное уважение к каждому, которого требует чувствительный к различиям универсализм, представляет собой такой способ вовлечения другого в его инаковости, которому не свойственны ни нивелировка, ни насильственное присвоение» [8, с. 175]. Неоднократно упоминая включение, он акцентирует внимание на принципе добровольности и ненасилия. Однако его утопическая идея общности, «границы которой открыты для всех – в том числе и для тех, кто чужд друг другу и хочет таковым оставаться» [там же], на данный момент очевидным образом является сугубо теоретическим концептом, не позволяющим на практическом уровне решить проблему включения/исключения.

Во-вторых, встает вопрос взаимосвязи понятий инклюзия/экслюзия с социальной интеграцией. Исходный пункт концепции интеграции – это структурно-функциональная теория Т. Парсонса. У него категория интеграции употребляется в двух смыслах: во-первых, как процесс адаптации системы к окружающей среде; во-вторых, как процесс стабилизации (уравновешивания) системой всех ее элементов при ее изменениях (включении в нее новых элементов). Т. Парсонс также сформулировал общее понятие инклюзии. У него процесс инклюзии является компонентом эволюционных изменений наряду с дифференциацией, адаптивным совершенствованием и обобщением ценностей. Инклюзия оказывается необходимой для координации функций меняющейся системы [9, с. 34-35]. В соответствии с идеями Парсонса, растущая сложность общества нарушает классически строгие образцы инклюзии и все сильнее их индивидуализирует. При этом возникает впечатление, будто общество предоставляет всем людям возможности для инклюзии и вопрос состоит лишь в том, как они обусловливаются и какие результаты приносят.

Ключевым, по мнению М. С. Астоянц и И. Г. Россихина, здесь является логическая связка того, что интеграция представляет собой процесс включения в систему новых элементов. Это означает, что социальная инклюзия должна рассматриваться как процесс, ведущий к социальной интеграции, а сама интеграция – как результат этого процесса. Таким образом, инклюзия представляет собой активный процесс укрепления чувства принадлежности индивида или группы к сообществу, ведущий к социальной интеграции. Разводя термины «интеграция» и «инклюзия», авторы подчеркивают, что инклюзия – это процесс, происходящий с индивидами (социальными группами), а интеграция – процесс, происходящий в самом обществе. Интеграция может быть следствием инклюзии, но не наоборот. Социальная инклюзия, как полагают М. С. Астоянц и И. Г. Россихиной, является подчиненным по отношению к социальной интеграции и более узким понятием [5]. Но ничего не говорится о взаимосвязи экслюзии с социальной интеграцией, хотя это явление тоже служит сплочению определенных групп, доступ к которым затруднен из-за «самоотгораживания» элит, так и тех, кто исключен в результате этих разграничений. Э. Гидденс называет исключенных «жертвами структуризации» и видит в них угрозу социальному пространству и солидарности [10]. Тем не менее, исключенные не всегда находятся внизу социальной иерархии, так и то, что, кроме потенциальной угрозы, они являются категориями отверженных, стимулирующих остальных стремиться к включению в сообщество.

В-третьих, это вопрос противопоставления включения/исключения и определения связи между ними. Довольно распространены подходы к включению/исключению не как к антонимам или дихотомичной паре, а просто как к взаимосвязанным явлениям. В частности, наш соотечественник Ю. В. Савельев свою аргументацию в этом вопросе строит на теоретических разработках Х. Силвера и заявляет, что социальное включение и социальное исключение строятся с помощью разных социальных механизмов, мотиваций и разными агентами [11, с. 64]. Подобная аргументация является недостаточной, так как не затрагивает сущностные характеристики этого явления, а исходит из его производных. Несомненно, социальная эксклюзия как социальный конструкт призвана закрепить институциональные отличия и возможность доступа к тем или иным ресурсам, но так же, как и социальная инклюзия, она связана с интеграцией социальной системы. В некоторых аспектах социальная эксклюзия даже является более эффективным инструментом консолидации и интеграции общества, нежели прямая и направленная структурная инклюзия. В кризисные периоды социальная действительность типизируется в наиболее простых примитивных понятиях: «мы» - «они», «друг» - «враг», «война», «заговор», «захват» и т.п. Речь не идет даже о понимании общества по классовому признаку. Социальная реальность редуцируется до состояния перманентной войны между «мы» и «они» [12, с. 8]. Поэтому как инклюзия, так и эксклюзия являются конструктами, связанными с вопросами солидарности. Также любое включение куда-либо является одновременно и исключением откуда-либо хотя бы даже в виде упущенных возможностей, не говоря уже о том, что маркирование и демонстрация своей включенности позволяет нам категоризовать субъектов, относя их к «своим» или «чужим». Невозможно быть одновременно и включенным, и исключенным в/из какое-то явление, практику, структуру, идеологему. Возможен отказ от демонстрации своей позиции, и тогда мы как исследователи можем говорить о амбивалентных «иных». В связи с этими выкладками мы все же придерживаемся мнения, что включение и исключение являются дихотомичными и взаимоисключающими друг друга терминами.

Также аргументом в защиту данной позиции является мысль, что сама эксклюзия может быть формой интеграции. Эта мысль была высказана еще Н. Луманом: «Наихудший из возможных сценариев в том, что общество следующего столетия примет метакод включения/исключения. А это значило бы, что некоторые люди будут личностями, а другие – только индивидами, что некоторые будут включены в функциональные системы, а другие исключены из них, оставаясь существами, которые пытаются дожить до завтра. Что забота и пренебрежение окажутся по разные стороны границы, что тесная связь исключения и свободная связь включения различат рок и удачу, что завершатся две формы интеграции: негативная интеграция исключения и позитивная интеграция включения. В некоторых местах... мы уже можем наблюдать это состояние» [13]. Здесь Н. Луман ясно говорит о двух типах интеграции: основанной на исключении и основанной на включении. Как целенаправленное включение индивидов в группы может способствовать интеграции сообщества, так и исключение из него неприемлемых элементов и противопоставление себя им может привести к интеграции. Следовательно, социальная инклюзия может быть противопоставлена лишь социальной эксклюзии.

В то же время многие авторы видят в социальном исключении только аспект закрепления позиций доминирующей группы, и, соответственно, основной акцент их работ направлен на механизмы социального включения и интеграции общества. Ю. Б. Савельев отмечает, что индекс включения, разработанный Л. Уилсоном, гораздо выше в гомогенных, нежели гетерогенных обществах [11, с. 65-66]. С этой точки зрения, учитывая, что в глобализирующемся мире общество становится все более разнородным, возникает вопрос, насколько вообще возможна инклюзия. Ведь различия можно найти и выделить всегда. Фактически эксклюзия, как мы считаем, строится не собственно на различиях, а на фиксации внимания на этих отличиях и на их стигматизации. Поэтому решение вопроса социального включения логичнее начинать не собственно с потребности включения, интеграции и солидарности в современном обществе, а с исследования генезиса и истории социального исключения, а также причин и факторов положенных в его основу.

Такой экскурс в социальную эксклюзию делает Н. Луман, показывая, что наибольшую видимость данный феномен получил в таких сегментарных обществах, как, например, индийская кастовая система, где неинтегрируемые лица в виде «неприкасаемых» образуют символический коррелят для построения порядка инклюзии через заповеди и ритуалы чистоты. Достаточно небольшой группы таких отверженных, чтобы быть стимулом для остальных в выполнении заповедей и ритуалов чистоты.

В стратифицированных же обществах регулирование инклюзии перенеслось на социальное расслоение. Социальный статус определяется слоем, к которому человек принадлежит (чаще всего в

зависимости от аскриптивных характеристик). Солидарность с исключенными могла достигаться лишь искусственно, а именно благодаря исполнению религиозных обязанностей. Тем не менее, если в сегментарных обществах в случае эксклюзии прерывались всяческие контакты, то в более дифференцированных обществах этого уже не происходит. Различие по оси «инклюзия/экслюзия» теперь воспроизводится внутри общества и имеет менее четкое разграничение и видимость. Н. Элиас пишет о двух фазах наиболее распространенного поведения в таких обществах: «Первая – фаза колонизации и ассимиляции, когда широкие слои поднимаются, но все еще занимают подчиненное положение; они заметно ориентируются на образцы высшей группы, вольно или невольно перенимая созданные ею формы поведения. Вторая – фаза отталкивания, дифференциации или эмансипации, когда поднимающаяся группа набирает силу, у нее развивается самосознание; все это принуждает высшую группу к еще большей сдержанности, к закрытости, что, в свою очередь, приводит к усилению контрастов и росту напряженности в обществе» [14]. Имитация поведения более высокой социальной группы есть не что иное, как стремление включиться в это сообщество. Именно поэтому запреты, нормы, предписания и формы поведения высшего слоя принимаются как неукоснительно обязательные к исполнению. Н. Элиас описывал данный феномен на примере аристократии и буржуазии, перенимающей «высокие» образцы поведения, но и для современного мира подобная мимикрия тоже характерна. Типичным примером является принятие норм и ценностей референтной группы для того, чтобы быть в нее включенной, где стимулом для выполнения этих требований служат санкции в своем формальном или неформальном проявлении. Это искусство дисциплинарной власти, которое не направлено на репрессию, но соотносит действия и успехи индивида с неким целым, отличает друг от друга, иерархизирует и устанавливает степень соответствия, того, что должно быть достигнуто. То есть нормализует в том смысле, какое вкладывал в это значение М. Фуко [15]. В капиталистическом обществе пролетариат осваивает и перенимает образцы поведения буржуазного класса, тем самым осуществляется «имплатация»¹ норм и ценностей, благодаря которым обеспечивается маскировка существующих противоречий и неравенств [16].

Наряду с этим и в области эксклюзии усиливается категориальное многообразие благодаря приватизации процессов эксклюзивирования. «Как и при всякой форме дифференциации, регулирование инклюзии передается частным системам. Индивиды должны быть в состоянии участвовать во всех этих коммуникациях и, соответственно, время от времени менять точки сопряжения с функциональными системами. Следовательно, общество уже не придает им такого социального статуса, который в то же время определял бы, кем «является» индивид по происхождению и качеству. Общество делает инклюзию зависимой от высокодифференцированных шансов на коммуникацию, которые больше не могут гарантированно и прежде всего неизменно во времени координироваться между собой» [9, с. 37]. Все это проблематизирует идентичность человека, а именно – усвоение сигналов и знаков, указывающих на способности, которыми он располагает и благодаря знанию которых он категоризирует других людей. Через систему образования научают различать и типизировать формы коммуникации и выстраивать соответствующие реакции в зависимости от собственной стратегической позиции. В этом смысле образование несет функцию как инклюзии, так и эксклюзии. С одной стороны, это действительно своеобразный социальный лифт, а с другой – место производства социальных категорий и дифференциаций. Не говоря уже о более прозрачной семантической эксклюзии, когда в частных школах и университетах элитарного типа сохраняется курсы мертвых языков, изучение которых выполняет и функцию семантического опознавательного знака для выпускников этих заведений.

С усилением категориального многообразия в обществе провозглашенного постмодерна и краха метанарративов эксклюзия/инклюзия дифференцировались и стали комплекснее. Произошел перенос их регулирования с прямого и вертикального властвования на уровень дискурсивной власти. В таком обществе эти процессы реализуются не в некоем институте или структуре (как бы государство ни претендовало на такую функцию), а представляют собой множественные, бесчисленные точки воспроизводства отношений и категорий неравенства. Именно поэтому методы прямого государственного включения оказываются на практике малоэффективными. Представления о дифференциациях образуются и

¹ «Имплатация – соединение производства-эксплуатации рабочего в качестве квази-буржуа, которое подразумевает введение в использование, создание условий для производства, а также самопроизводство субъекта для эксплуатации...Имплатация посредством аттрактов и психологизации воспитывает в зрителе особую «культуру» потребления пространства, предполагающую восприятие любого пространства (в том числе и своего тела) в качестве образа, знака, означающего» [16].

действуют в аппаратах производства, в семье, в ограниченных группах, в институтах, служат опорой для обширных последствий расщепления, которые пронизывают все социальное целое. На уровне глобального дискурса идет борьба против старых дифференциаций и дискриминаций, а на деле «свобода и равенство теперь обоснованы тем, что все ограничения и неравенства устанавливаются только через коды и программы отдельных функциональных систем, и для этого больше не существует директив в масштабе всего общества» [9, с. 42]. Но тем самым проблема включения/исключения оказалась, скорее, сокрытой, нежели решенной. Ее уже невозможно формулировать в виде изначального различия между сакральным и проклятым, но ее наличие трудно оспорить. Те же иммигранты в Европе обвиняются в распространении образцов поведения и культурных форм, не совместимых с демократическими принципами отделения религии от политики или равноправия женщин. Это случаи непринятия и исключения на уровне практик, а не на уровне дискурса, хотя сейчас эта проблема уже неприкрыто педалируется медийным дискурсом.

Кроме неразличимости и маскировки существующих эксклюзий актуализируется проблема того, что исключение становится повсеместным правилом. К этому аспекту активно привлекает внимание Дж. Агамбен, когда пишет, что «исключение повсеместно становится правилом, пространство голой жизни, расположенное поначалу на периферии порядка, постепенно движется к совпадению с пространством политического, и исключение и включение, внутреннее и внешнее, юридическое и фактическое входят в зону абсолютной неразличимости» [17, с. 16]. То же чрезвычайное положение, ранее единственным очевидным прецедентом которого ранее был нацистский режим (когда Гитлер захватил власть в феврале 1933 года, он сразу же издал указ о приостановлении действия статей Веймарской Конституции, касающихся личных свобод), сейчас в связи с перманентной террористической угрозой применяется повсеместно. Можно, конечно, сделать оговорку, что, согласно У. Беку, безопасность стала одной из главных ценностей, под эгидой обеспечения которой индивид сводится к *homo sacer* – объекту вседозволенного для власти повседневного насилия. В этом смысле власть господствует лишь над тем, что она может интериоризировать, то есть включить в себя. Современный этап конца эволюционизма подразумевает развитие культурных специфик, которые не только воспроизводят культурное наследие прошлого (культурные притязания на возрождение этнических, региональных и национальных движений), но и производство и изобретение новых традиций. «Можно утверждать, что чем более модерными или постмодерными являются общества, тем сильнее тенденция изобретать различия, включая те, что выглядят традиционными, на самом деле являясь результатом работы «сделай сам», используя культурные материалы, заимствуя заимствованные из настоящего, прошлого, из обычаев, форм прежнего искусства, истории и т.д.» [1]. Переход в эру культурных различий, скорее, свидетельствует о тенденции роста, чем затухания особенностей, на основании которых происходит инклюзия / эксклюзия.

Множественная дифференциация оснований эксклюзии, а также их латентизация и натурализация ставят вопрос переосмысления включения/исключения в категориях государственной политики. Метакод включения/исключения встроился в дискурсивные практики и более того – в повседневные и непроговариваемые структуры. Господствующий дискурс через системы масс-медиа и образования научает моментально различать и проводить границы на основании семиотических и символических признаков. Оpozнaвание происходит моментально и чаще не рефлексивируется (поэтому не ставится под сомнение). Использование определенных речевых оборотов, знание определенных устойчивых словосочетаний и мемов ориентируют индивида в пространстве. Индивиды могут вовлекаться в определенную деятельность до конца, не осознавая смысла или подоплеку этого действия. Включение в шаблонные практики часто строится на не до конца сформированной субъектности индивидов. Включение может быть и культурной инсценировкой, когда вовлечение в определенную практику связано не с внутренней приверженностью определенной доктрине (теории), а с внешней репрезентацией. И если на первых этапах инсценирования новичок чувствует себя отчужденным от роли, то по мере развития инсценировки он все более и более идентифицирует себя с ролью, которую исполняет [18]. К конативному уровню со временем может присоединяться аффективный и когнитивный слои, и тем самым включение в практику становится более полным и глубоким.

А. В. Дмитриева пишет о включении/исключении как о принципе структуризации современного общества: «Глобализация исключения и барьеры включения, распространение девиантных практик и трансформация наказания – взаимосвязанные элементы единой глобализирующейся системы социального порядка» [2, с. 111]. Тем не менее, из рассмотренных источников лишь некоторые исследователи отмечают дифференциацию оснований для включения/исключения, а также нерелексивируемость как аспекта включения, так и следующее за ним разграничение социального пространства. Но намеченная еще

Луманом линия «дифференциации» продолжает разрастаться, что проявляется даже в интернет-пространстве, которое на заре своего появления первоначально рассматривалось как пространство нивелировки неравенства и новых социальных возможностей, но на деле стало не менее сегментированным и разделенным. Об этом свидетельствуют как закрытые веб-сообщества, так и «демонстративное соприсутствие» [19], рассмотренное в предыдущих публикациях.

Конструирование сообществ в соответствии с принципом негативной идентичности («мы» - «они», «свои» - «чужие») объяснимо, но бесперспективно, так как стремление уйти от гетерогенности к гомогенности не имеет шансов на осуществление в современном мире. На волне происходящих социальных изменений возникают и появляются новые поводы для исключения. Использование индивидом каких-то знаков принадлежности и причастности, маркирование своего виртуального профиля и даже стиль жизни могут содержать в себе массу причин и поводов для исключения. Повсеместно распространение метакода инклюзии/экслюзии может свидетельствовать об архаизации мышления, что, в свою очередь, является своеобразным ответом на глобализационные тенденции во всем мире. Именно поэтому нецелесообразно рассматривать инклюзию / экслюзию исключительно в структурно-формальном разрезе и только во взаимосвязи с категорией бедность, ведь сегодня она уже проявляется на разных уровнях и во множественных инстанциях. П. Абрахамсон считает, что: «классовая стратификация, делившая людей на вертикальные слои, постепенно замещается горизонтальной дифференциацией на «инсайдеров» и «аутсайдеров»» [20, с. 158]. Появляются новые одобряемые и осуждаемые стили жизни, формы проявления и их знаковое выражение, которые и становятся фактором для исключения. В таком обществе характерным является переход от включения (точнее, неэффективности прямых техник включения) к исключению, в котором исключенных большинство. Возникает потребность в исследовании инструментов и техник включения/исключения, которые потенциально способны если не сгладить углы, возникающие из-за разрывов и противопоставлений новых (или оживающих - «старых») культурных форм, то хотя бы предложить более разнообразные формы включения и интеграции.

Литература:

1. Вевьерка М., Формирование различий. / М. Вевьерка // Журнал «Социологические исследования» – 2005. – № 8. – С. 51–54.
2. Дмитриева А. В. Социальное включение/исключение как принцип структуриации современного общества. // Социологический журнал. 2012. № 2. С. 98-114.
3. Бейзеров В.А. – Образование: глобальные перемены. / В.А. Бейзеров // Образование в современной школе. – 2009. – № 9. – С. 57–60.
4. Зверева Н. Н., Муравьева О.И. Опыт модернизации японской системы образования: история и современность // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. – №310. – С. 163–168.
5. Астоянц М.С., Россихина И.Г. Социальная инклюзия: попытка концептуализации и операционализации понятия. / М.С. Астоянц, И.Г. Россихина // Известия Южного федерального университета. Педагогические науки. – 2009. – № 12. – С. 51–58.
6. Дименштейн Р., Ларикова И. Интеграция или инклюзия? Споры о словах и нерешенные проблемы образования особых детей [Электронный ресурс]. / Р. Дименштейн, И. Ларикова: — Режим доступа: www.osoboedetstvo.ru/rights/idprav/files/integr_kratk_5_pravl.doc
7. Каменкова Л.Э., Мурашко Л.О. Позитивная дискриминация: понятие, содержание, эволюция / Л. Э. Каменкова, Л.О. Мурашко // Журнал международного права и международных отношений. – 2006. – № 2. – С. 3–10
8. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. / Юрген Хабермас, под редакцией Д. В. Складнева. – СПб.: Наука, 2001. – 419 с.
9. Луман Н. Дифференциация / Никлас Луман. Пер. с нем. Б. Скуратов. – М.: Издательство «Логос». 2006. – 320 с.
10. Giddens A. The Third Way. The Renewal of Social Democracy / A. Giddens. – Polity Press, 1998 – 105 p.
11. Савельев Ю.Б. Соціальне включення та ексклюзія як форми взаємодії в суспільстві: евристичний потенціал соціологічних концепцій. / Ю.Б. Савельев // Український соціум. – 2015. – № 4(55). – С. 61-74.
12. Бурлачук В.Ф. Символ и власть: Роль символических структур в построении картины социального мира. / В.Ф. Бурлачук — К.: Институт социологии НАН Украины, 2002. — 266 с.
13. Луман Н. Глобализация мирового сообщества: как следует системно понимать современное общество. // Социология на пороге XXI века: Новые направления исследований. – М., 1998. – С. 94 – 108.

14. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. В 2-х томах. / Норберт Элиас, Академия исследований культуры. Серия: Книга света. Москва – СПб.: Университетская книга, 2001. – 382с.
15. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. / Мишель Фуко, Пер. с французского В. Наумова под редакцией И. Борисовой – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
16. Ильин И. Рецепции означающего. Жижек [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://vk.com/doc-96626222_403889978?dl=61546e6026dbe84bce - Загл. с экрана
17. Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь./ Джорджо Агамбен – М.: Издательство «Европа» 2011. – 256 с.
18. Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. Учеб. пособие для студентов вузов. / Л. Г. Ионин – М.: Логос, 2000. – 431 с.
19. Десенко Д. С. Демонстративное соприсутствие как инструмент производства солидарности / Д. Десенко // Вестник Харьковского национального университета имени В.Н. Каразина. «Социологические исследования современного общества: методология, теория, методы». - 2016. - №36 - С. 96 - 102.
20. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность. // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 158–166.